

Право голоса

«Красная линия» Аулиса Саллинен в Мариинке отчеркивает Дмитрий Ренанский

ОПЕРНЫЙ ТЕАТР — одна из основ финской культурной идентичности, и это не громкие слова, а статистика: за последние тридцать лет в Финляндии было написано и поставлено около ста тридцати новых опер. России о подобном буме музыкального театра пока приходится только мечтать. На «Звезды белых ночей» Финская национальная опера привозит свое образцово-показательный спектакль — «Красную линию» Аулиса Саллинена, написанную по заказу театра в 1978 году. После триумфальной гастроль в Метрополитен-опере (1983) ее показывают по всему миру, но именно в Петербурге она должна особенно прийтись ко двору. Не случится никакого культурного шока, которого можно было бы ожидать, привези финны сюда что-нибудь действительно актуальное, например оперу Кайи Сариахо «Любовь издалека»; вторая из шести опер Саллинена идеологически очень близка русской музыке.

Чем не русский подход — написать оперу на сюжет из золотого запаса национальной классики, откомментировав историческое национальное прошлое. Одноименный роман Илмари Кианто написал в 1909 году по горячим следам политической заварухи 1907-го. Это было время первых в

истории Финляндии парламентских выборов, в итоге приведших к независимости страны. Красную линию герои оперы должны прочертить в бюллетенях на голосовании, это и струйка крови на снегу в трагическом финале, когда дизайнерски красиво гибнет ее главный герой Топи Ромппанен, голь перекатная, живущая с семьей в мрачной финской глубинке. Два часа кряду он страдает от медведя-шатуна и социальных неурядиц: пока социал-демократы кормят соотечественников завтраками, дети Ромппанена мрут от голода, а его самого задирает злое животное.

Через десять лет Саллинен положил на

SARAPI VIKKA

го, чтобы столкнуть фолк-балладу, которую поют жаждущие независимости финны, и «Боже, Царя храни» в исполнении Архиппаини.

Просто и без затей — как и в остальной опере. Маленький человек в водовороте большой политики, выборы приходят и уходят, а кушать хочется всегда, ну и так далее. Музыкально у Саллинена тоже получается доходчиво, он не жалеет реверансов в сторону тональности, не скупится на мелодии и позднеромантически самовыражается. Этакий Пуччини на рабоче-крестьянский лад, с лейтмотивами, народными гимнами и революционными маршами. И демократ: голос есть у всех, даже у детей, молчащих в романе Кианто (ну а что, знаете, как в Финляндии развиты детские хоры).

Однодневный заезд Финской оперы событие исключительное: в последний раз гастрольные оперные спектакли показывали в Мариинке три сезона назад, да и то отечественные — из Большого и из театра Станиславского.

Мариинский театр, 29 мая, 19.00

Дополнительный вес

Кристиан Тилеман и Мюнхенские филармоники в Мариинке-3 приглашает Софья Дымова

AFP

ОРКЕСТР выступает два вечера подряд. В первом участвует превосходный австрийский пианист Рудольф Бухбиндер, известный, например, своей записью фортепианных концертов Брамса с Николаусом Арнонкурмом; правда, он сыграет донельзя заезженный концерт Грига, по которому вряд ли будет понятно, насколько Бухбиндер замечательный интерпретатор. Помимо Грига дают нормальный немецкий репертуар: Увертюру, Скерцо и Финал Шумана и его же Третью симфонию. Во второй вечер объявлена одна только Восьмая симфония Брукнера. Возможно, околмузы-

кальный сюжет концерта будет об отношениях этого дирижера и этого оркестра.

Тилеману пришлось нелегко, поскольку Мюнхенский филармонический оркестр он принял после двадцатилетнего правления румына Серджиу Челибидаке, одного из величайших музыкантов XX века, и пятилетнего руководства «дирижера без свойств» американца Джеймса Ливайна, при котором оркестр не улучшил и не ухудшил своих позиций. При Челибидаке мюнхенцы выработали (а при Ливайне, пожалуй, не успели утратить) совершенно особый звук — мягкий, прозрачный, но в то же время плотно-увесистый. Таким звуком можно было играть практически всю музыку от Баха до Бартока; чего и добивался румынский предшественник Тилемана, умевший невероятным образом свести любое произведение к дзенскому созерцанию чего-то скрытого за ним, как за ширмой.

Этому-то духовидцу-парамузыканту и наследовал добротный немецкий маэстро — впрочем, добротный настолько, что нередко поднимается до откровения. Дирижирует Тилеман очень подробно, иногда с явными физическими усилиями, будто занимается погрузкой-разгрузкой оркестровых масс и объемов. В центре его интересов, разумеется, немецкая музыка; было бы странно ожидать чего-то иного, но это репертуарное состояние, естественное для мюнхенского коллектива, усугубляется несколькими тевтонизированными трактовками его руководителя. Тилеман позиционирует себя как продолжателя отечественной традиции, идущей от самого Рихарда Вагнера через Ханса Кнаппертсбуша и Вильгельма Фуртвенглера к Герберту фон Караяну, а последнего и вовсе считает своим учителем — в конце 1980-х он успел поработать ассистентом в Берлинском филармоническом оркестре незадолго до смерти Караяна. Эти генеральмузикдиректоры — может быть, за вычетом Вагнера, о ди-

рижировании которого мы, понятно, мало что знаем, — были склонны к тяжелым, подчеркнуто осаженым темпам, к большому звуку; то есть ко всему тому, что принято считать признаками исполнительской одухотворенности.

Таков и Тилеман. Его карьера стартовала в начале 1990-х в США, что понятно — уж больно высока была (и остается) дирижерская конкуренция в Европе. Начав с оперных постановок в Сан-Франциско и Нью-Йорке, Тилеман через каких-то шесть лет оказался во главе берлинской Дойче Опер, а затем и Мюнхенского филармонического оркестра. Последнее его карьерноеобретение — позиция музыкального руководителя в Байрейте. Этот человек безусловно находится на своем месте: больше всего он, кажется, любит и понимает Брукнера и Вагнера — а возглавляет оркестр, славный именно брукнеровским стилем, и вагнеровский фестиваль.

Концертный зал Мариинского театра, 31 мая, 19.00; 1 июня, 20.00